

I. РУССКАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПОСОБНОСТЬ.

Организаціонная способность русскаго народа есть одна изъ труднѣйшихъ загадокъ человѣческой исторіи. Народъ, создавшій государство. — по размѣрамъ территоріи *второе* въ мірѣ, а по численности населенія *третье* *); одолѣвшій все пренятствія суроваго климата, континентальнаго массива, лѣсовъ, болотъ и степей, пестрой разноплеменности, разноязычія и разновѣрія **), незащищенности границъ, татарскаго ига и непрерывныхъ вѣковыхъ войнъ ***); и при всемъ томъ не только не растратившій своихъ душевно-духовныхъ силъ, но соблювшій свой національный ликъ и явившій его другимъ народамъ въ величїи и красотѣ — — долженъ былъ бы обладать исключительнымъ организаціоннымъ даромъ и умѣніемъ... И въ то же время этотъ народъ обнаруживаетъ на протяженіи всей своей исторіи склонность къ внутреннимъ несогласїямъ и распрямъ, которыя въ среднемъ разъ въ сто лѣтъ принимаютъ форму смуты, междуусобія или революціонной рѣзни... Междуусобствовали русскіе люди въ періодъ удѣловъ: ссорились и ходили другъ на друга подъ татарскимъ игомъ; разложили и чуть не погубили свою страну въ великой смутѣ; рѣзались въ годину Разина; бунтовали безперечь при Петрѣ Великомъ; опять рѣзались въ годину Пугачева: раскачивали рѣзнию въ лицѣ декабристовъ и народовольцевъ; и въ началѣ двадцатаго вѣка въ два прїема раскачали ее такъ, что міровая исторія не можетъ вспомнить подобнаго кровопролитія...

Какъ же совмѣщается въ русской душѣ эта способность къ организаціонному творчеству (и въ большемъ, и въ маломъ масштабѣ) — съ этой тягой къ распрѣ и смутѣ, къ разложенію и анархіи? Почему наши враги, хулители и предатели могутъ съ такой развязной увѣренностью твердить о нашей организаціонной бездарности и немоци? И что мы можемъ отвѣтить имъ, ликующимъ и грозящимъ въ часъ

*) См. «Русскій Колоколь», книгу первую, статьи: «Русская территория» и «Население Россіи».

***) См. «Русскій Колоколь», книгу вторую, статью «Историческое бремя Россіи».

***) См. «Русскій Колоколь», книгу третью, статью Б. А. Никольскаго: «Войны Россіи».

нашего развала и лихолѣтья? Вѣдь у сосѣдей нашихъ даже басня (несправедливая) по этому поводу сложена. будто «одинъ нѣмецъ — ничто, два нѣмца — организація, три нѣмца — порядокъ: одинъ русскій — талантъ, двое русскихъ — распря, трое русскихъ — скандалъ и хаосъ...» Гдѣ же правда?

Установимъ съ самаго начала, что русская душа дѣйствительно таитъ въ себѣ большую организаціонную способность или, если угодно, удобо-организуемость.

Первымъ доказательствомъ тому является *русская армія*. Россія, обороняясь и закрѣпляя свои рубежи, пророевала всю свою исторію. Съ арміей, неподдающейся крѣпкой спайкѣ на фронтѣ и въ тылу — она не просуществовала бы и ста лѣтъ: она не одолѣла бы татаръ, не отразила бы поляковъ, шведовъ и турокъ, не выдержала бы военныхъ напряженій 18 и 19 вѣка. Это доказываетъ, что русскій народъ, *добиваясь организаціи, радѣя о ней, умѣетъ организовываться отнюдь не хуже своихъ сосѣдей*.

Ясно также, что за русской арміей въ теченіе всей исторіи стоялъ слагавшій ее, обучавшій, водившій и кормившій ее русскій *государственный центръ*; тотъ самый центръ, который своимъ искуснымъ политическимъ домоводствомъ собралъ Россію воедино), который замирялъ и замирилъ ее, который блюлъ русскіе интересы, осторожно направлялъ великій процессъ русской колонизаціи^{*)}, ограждалъ и насаждалъ ея земледѣліе, промышленность и торговлю, строилъ русскія дороги^{**)} и каналы, закрѣпилъ и потомъ освободилъ русскія сословія и, наконецъ, создалъ и взростилъ русское просвѣщеніе.

Не смѣшно ли говорить о русской организаціонной бездарности и немощи?

Однако столь же неосновательно и смѣшно было бы утверждать, что удобо-организуемость русскаго человѣка всецѣло зависитъ отъ *приказа и принужденія государственнаго центра* и что, предоставленные сами себѣ, русскіе люди быстро превращаются въ общественную пыль. Вся исторія Россіи не соотвѣтствуетъ этому.

Такъ, Россія искони знала *мѣстное и сословное самоуправленіе*, начиная отъ древнихъ торговыхъ городовъ «верей» и «погостовъ» (XII вѣкъ); восходя къ тяглымъ «обществамъ» и «мірамъ», «чернымъ сотнямъ» и «слободамъ», къ казачеству съ его великимъ колонизаціоннымъ движеніемъ на окраинахъ юга и востока: кончая позднѣйшимъ самоуправле-

*) См. «Русскій Колоколь», книгу третью, статью Н. И. Лапшю: «Московскіе князья собиратели».

**) См. «Русскій Колоколь», книгу пятую, статью Б. А. Никольскаго: «Русская колонизація».

**) См. «Русскій Колоколь», книгу пятую, статью А. И. Бунге «Великій сибирскій путь».

ніемъ — дворянскимъ, купеческимъ, мѣщанскимъ, крестьянскимъ и, наконецъ, *земствомъ* и *городомъ* послѣдняго вѣка. Столѣтіями вынашивало это самоуправленіе свой особый укладъ — въ избраніи, въ разверсткѣ, въ учетѣ и въ круговой отвѣтственности, а въ дальнѣйшемъ — во внутреннемъ самообложеніи и въ удовлетвореніи ряда важнѣйшихъ мѣстныхъ интересовъ и нуждъ. Оно вырабатывало и свое *обычное право*, имѣвшее особенное значеніе въ *крестьянскомъ* самоуправленіи.

Однако и помимо этого организаторства, такъ или иначе оформленнаго государствомъ, Россія знала самоуправленіе *церковное* — *приходъ*, *монастырь* и *церковный соборъ*. Просмотрѣть монастырскую культуру на Руси — религіозную, нравственную, умственную и хозяйственную — значило бы поистинѣ просмотрѣть слишкомъ многое.

Съ древнѣйшихъ временъ, еще съ XII вѣка, Россія работала, далѣе, замѣчательную — одновременно *строгую* и *гибкую* — культуру *артелей*, истинное созданіе народнаго организаторскаго таланта. Этой формой дѣловой самоорганизациі Россія была пронизана сверху до низу: артели рабочія, биржевыя и комиссіонныя — слагались и работали повсюду вѣками, никѣмъ не насаждаемыя и едва регламентируемыя закономъ. Только этимъ долгимъ опытомъ и объясняется возможность того бурнаго расцвѣта *кооперативнаго* дѣла, который Россія переживала за послѣднія десятилѣтія.

Нельзя не упомянуть о русскомъ *хоровомъ* и *музыкальномъ* организаторствѣ. Знатки хорового дѣла прямо указываютъ на исключительную способность славяно-русскаго племени къ многоголосовому пѣнію, которое ведется *по слуху, вѣрно* и *безъ подготовки*. Для человѣка, понимающаго душевно-духовную сущность пѣнія и музыки, одно это наблюденіе само по себѣ могло бы предрѣшить вопросъ о способности русскаго человѣка къ самоорганизациі. Отсюда достиженія русскихъ хоровъ, знаменитая культура кievскихъ распѣвовъ, расцвѣтъ церковнаго пѣнія при Іоаннѣ Грозномъ, позднѣйшіе хоры (Славянскаго, Архангельскаго, Императорской капеллы, синодальный, чудовской, московскаго Большаго театра) и русскіе симфоническіе оркестры.

Къ этому ряду явленій необходимо отнести и русскіе *частныя театры*, особенно московскій Художественный театръ, это истинное чудо организациі; многочисленныя *частныя* (среднія и высшія) *учебныя заведенія*; благотворительныя общества: московскія университетскія клиники, и многое, и многое другое.

Нужна поистинѣ партійная или вражеская ослѣпленность для того, чтобы все это замалчивать или отрицать . . .

Однако, наша основная загадка этимъ, конечно, не разрѣшается. Ея разгадку и объясненіе надо искать въ слѣдующемъ.

Организаціонная способность русскаго человѣка *не воспитана, не закрѣплена характеромъ и чувствомъ долга* и отнюдь *не механизирована* (какъ у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ). Русскій человѣкъ *первобытенъ и органиченъ* въ своемъ организаторскомъ дѣлѣ. Поэтому онъ создаетъ успѣшно тамъ, гдѣ онъ *вѣритъ и любитъ*, гдѣ онъ *имѣетъ талантъ и вдохновеніе*. Но тамъ, гдѣ онъ *пезаинтересованъ*, гдѣ онъ *безразличенъ*, *холоденъ* или не чувствуетъ призвація, тамъ онъ быстро *распускаетъ вниманіе и волю*, становится *лѣнивъ и небреженъ*, и слабохарактерно *предается* страстнымъ и корыстнымъ влеченіямъ. А такъ какъ жизнь отнюдь не состоитъ изъ однихъ удовольствій и человѣку всегда нужны *огромныя усилія для самопонужденія*, то соблазнъ двинуться по линіи наименьшаго сопротивленія, по линіи корысти и страстей — становится для русскаго человѣка *слишкомъ часто легкимъ и близкимъ*. Отъ этого обсыпанія и разложенія его удерживали обычно только три силы: *вѣра въ Бога, вѣра въ вождя и государственное понужденіе*; четвертую силу, *силу личнаго характера и правосознанія*, и пятую силу — *силу высокаго и устойчиваго общественнаго мнѣнія* — въ Россіи только еще *предстоитъ создать*.

Религія строила Россію: *вѣра* крѣпила характеръ и чувство долга, будила добрую волю и совѣсть, подвигала на героизмъ; *приходъ* училъ добросовѣстной организаціи; *монастырь* училъ трудолюбію, жертвенности, безстрастію и нищелюбію.

Сильные вожди строили Россію: активныя, дальнозоркіе, распорядительныя, требовательныя, упорядочивающіе, неутомимые, вдохновенные. Русскій человѣкъ даровитъ и терпѣливъ; онъ *цѣнокъ, изворотливъ, выносливъ и способенъ удовлетворяться малымъ*. Но ему нужно *вѣрить въ вѣдущаго* для того, чтобы *вдохновляться* и тѣмъ дѣломъ, которое *само по себѣ его не вдохновляетъ*; для того, чтобы *закрѣпить свою нерѣшительность рѣшеніемъ вождя*. Вотъ почему русская душа всегда видитъ сны о *волевоомъ гигантѣ*, вѣрить въ котораго есть *счастье* и служить которому есть *спасеніе*. И дѣлятся русскіе люди не на «вѣрящихъ въ вождя» (монархистовъ) и «невѣрящихъ въ вождя» (республиканцевъ), а на такихъ, которые вѣрятъ въ *злодѣйскаго* вождя, и на такихъ, которые вѣрятъ въ *благороднаго* вождя: всѣ же остальные — суть сами неудавшіеся «вожди», требующіе «равенства» изъ зависти и честолюбія.

Такъ разрѣшается наша основная загадка. *Безвдохновенная лѣнь* и *голодное честолюбіе* суть двѣ основныя силы, которыя подрываютъ русскую организаціонную способность. Эта способность сама по себѣ велика; а величіе ея историческаго призванія единственно въ своемъ родѣ. Но для того, чтобы эта способность проявилась въ полной мѣрѣ, необходимо *живой, творческій интересъ къ дѣлу, вѣра, любовь и вдохновеніе*. Нѣтъ этихъ условій — и начинаются соблазны и колебанія. А если

къ тому же поколеблется религіозное чувство, отпадетъ государственное понужденіе и своевременно не найдется благороднаго вождя, то разнузданіе злыхъ страстей и организаціонное распаденіе станетъ неизбежнымъ. Понятно, что появленіе *зловѣйскаго вождя* завершитъ эту трагедію.

Отсюда ясны и пути спасенія.

Старый Политикъ.

II. РУССКАЯ ВООРУЖЕННАЯ СИЛА ВЪ 1914 ГОДУ.

Численность русской вооруженной силы въ мирное время къ 1914 году достигала 1 423 000. Съ объявленіемъ общей мобилизаціи призывалось еще 3 115 000 людей, которые представляли собой весь запасъ военнообученныхъ людей до 38-лѣтняго возраста включительно. Изъ нихъ около 2 100 000 предназначалось для доведенія воинскихъ частей до штатовъ военнаго времени, а также для формированія новыхъ частей; остальные 1 000 000 шли на формированіе запасныхъ войскъ и учрежденій глубокаго тыла.

Кромѣ призыва чиновъ запаса арміи, нашъ мобилизаціонный планъ предвидѣлъ еще призывъ ополченія. Последнее раздѣлялось на два разряда.

Въ первый разрядъ зачислялись всѣ чины запаса арміи послѣ 38-лѣтняго возраста до 43-лѣтняго включительно. Это составляло около 400 000 получившихъ воинское обученіе людей, но уже преклоннаго возраста. Кромѣ того, въ первый разрядъ ополченія зачислялись молодые люди, которые за излишествомъ не попадали при очередномъ призывѣ въ войска. Они получали совершенно недостаточное обученіе во время нѣсколькихъ краткосрочныхъ учебныхъ сборовъ.

Во второй разрядъ ополченія попадали лица, освобождавшіяся отъ поступленія при призывѣ въ войска согласно широко предоставленнымъ нашимъ закономъ льготамъ. Ратники второго разряда никакого воинскаго обученія не получали. Точный учетъ чинамъ ополченія велся лишь для лицъ, прошедшихъ черезъ армію и для четырехъ младшихъ возрастовъ перваго разряда. Поэтому общую численность ополченія можно опредѣлить лишь приблизительно цифрою отъ 7 000 000 до 10 000 000.

Мобилизаціонный планъ не обнималъ всего ополченія въ той же подробности, какъ запасъ арміи. Предполагалось возможнымъ ограничиться лишь ополченіемъ перваго разряда. Изъ этого ополченія формировались ополченскія дружины.